

ЕРШОВ Пётр Павлович (1815–1869) родился в семье чиновника Павла Алексеевича Ершова (1784–1834). Отец по делам, связанным со службой, часто переезжал. Ершovy пересекали цепь казачьих поселений, посещали места, где были ещё свежи предания о временах Ермака и Пугачёва. В 1824 году родители определили Петра и его брата Николая в Тобольскую гимназию. Мальчики жили в купеческой семье Пиленковых — родственников матери, а когда окончили гимназию, отец перевёлся в Петербург, где братья поступили в Императорский Санкт-Петербургский университет. В 1831–1835 годах он учился на историко-филологическом факультете университета. В студенческие годы Ершов сблизился с профессором русской словесности Петром Плетнёвым, познакомился с Василием Жуковским и Александром Пушкиным. На их суд девятнадцатилетний студент отдал своё первое крупное произведение — сказку «Конёк-горбунок», прочитав которую, Пушкин с похвалою сказал начинающему поэту: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Плетнёв во время одной из лекций прочитал с университетской кафедры отрывок из «Конька-горбунка» и назвал студентам автора сказки — их сокурсника Петра Ершова, сидевшего в аудитории. Другой отрывок из «Конька-горбунка» появился в мае в «Библиотеке для чтения» (1834, т. 3), а в октябре 1834 года сказка Ершова была опубликована отдельным изданием. Успех сопутствовал молодому поэту: в декабре того же года к печати была одобрена первая часть «Сибирского казака», а затем и вторая часть этой «старинной были». Приближающееся окончание университета было связано у молодого сибиряка с проблемами. Не смог он получить желаемую должность, приходилось расставаться с друзьями, которых у него было немного, порывать с литературной средой. Противоречивые чувства вызывало и прощание с самим Петербургом, к которому он привязался, но вместе с тем хотел принять участие в исследовании Сибири. Вернувшись на родину летом 1836 года, Ершов работал учителем Тобольской гимназии. С 1844

года он — инспектор, а с 1857 года — директор гимназии и дирекции училищ Тобольской губернии. Один из его учеников — будущий химик Дмитрий Иванович Менделеев. Падчерица Ершова стала женой Менделеева. Был инициатором создания любительского гимназического театра. В театре занимался режиссурой. Написал для театра несколько пьес: «Сельский праздник», «Суворов и станционный смотритель» (1835), комическую оперу «Якутские божки», «Черепослов». Печата- л свои стихотворения в Библиотеке для чтения Сенковского и в «Современни- ке» Петра Плетнёва. Известность Ершову принесла его сказка «Конёк-Горбунок», написанная им ещё на студенческой скамье и впервые напечатанная отрывком в 3-м томе «Библиотеки для чтения» 1834 года, с похвальным отзывом Сенковского. Некоторое время считалось, что первые четыре стиха сказки набросал Александр Пушкин, читавший её ещё в рукописи. Сказка Ершова вышла отдельной книжкой в 1834 году и выдержала при жизни автора семь изданий, причём четвертое из них (издание 1856 года) — было сильно переработано автором и является на сегодня окончательным авторским текстом. «Конёк-горбунок» — произведение народное, почти слово в слово, по сообщению самого автора, взятое из уст рассказчиков, от которых он его слышал; Ершов только привёл его в более стройный вид и местами дополнил. Своеобразный слог, народный юмор, удачные образы сделали эту сказку широко известной и любимой в народе. Виссарион Белинский видел в сказке подделку, «написанную очень недурными стихами», но в которой «есть русские слова, а нет русского духа». Кроме «Конька-горбунка», Ершов написал несколько десятков стихотворений. Есть также указания, что он публиковал стихи, рассказы и драматургические произведения под псевдонимами.

В 1834 году Петром Ершовым была написана, а в 1835 году издана балла- да «Сибирский казак» — старинная быль о молодом сибирском казаке, который был вынужден оставить жену и по приказу атамана «идти на киргизов войною». Первоначальный вариант второй части баллады вышел в свет как отдельное сти- хотворение под названием «Песня казачки». В 1842(?) году первая часть баллады, переработанная и положенная на музыку, становится строевой песней 2-го Си- бирского Казачьего полка. Песня вошла в репертуар многих исполнителей, в част- ности Надежды Бабкиной. Ершов работал также в драматических и прозаических жанрах. Ему принадлежит «драматический анекдот» «Суворов и станционный смотритель», в позднюю пору жизни (конец 1850-х гг.) он написал большой цикл повестей «Осенние вечера», обрамляемых сквозным сюжетом — встречей персо- нажей, которые рассказывают эти повести. Такая композиция характерна скорее для 1830-х годов («Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А.Погодельского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя), в которые происходило форми- рование Ершова-литератора, и для своего времени выглядели уже анахронизмом. Любопытно, что один из персонажей повести «Панин бугор» — типичный роман- тический влюблённый — носил фамилию Сталин. Вероятно, это одна из причин того, что первая посмертная публикация этого рассказа состоялась только в 1984 году. Считается, что произведения Ершова легли в основу пьес «отца Пруткова». В частности, Владимир Михайлович Жемчужников писал Александру Николае- вичу Пыпину 6 (18) февраля 1883 года из Ментоны (Франция) о своём знакомстве с П.П. Ершовым, в 1854 году в Тобольске, где он служил чиновником особых по- ручений при родственнике — тобольском губернаторе В.А. Арцимовиче. «Мы до- вольно сошлись. Он очень полюбил Пруткова, знакомил меня также с прежними своими шутками и передал мне свою стихотворную сцену «Черепослов», сиречь

«Френолог», прося поместить её куда-либо, потому что «сознаёт себя отяжелевшим и устаревшим». Я обещал воспользоваться ею для Пруtkова и впоследствии, по окончании войны и по возвращении моём в СПб., вставил его сцену, с небольшими дополнениями, во 2-е действие оперетты «Черепослов», написанной мною с бр. Алексеем и напечатанной в «Современнике» 1860 г. — от имени отца Пруtkова, дабы не портить уже вполне очертившегося образа самого Козьмы Пруtkова. По другим данным, Ершову принадлежит только авторство куплетов в пьесе Чижова. Из письма к Е.П. Гребёнке (прозаик, поэт, петербургский друг Ершова) от 5 марта 1837 года: «Мы с Чижовым стряпаем водевиль «Черепослов», в котором Галь получит шишку пречудесную. Куплетцы — заяденье! Вот ужo пришлю их к тебе после первого представления». В письме того же числа к другу В.А. Треборну Ершов упоминает водевиль как создание Чижова: «Ещё приятель мой Ч-жов готовит тогда же водевильчик «Черепослов», где Галю пречудесная шишка будет поставлена. А куплетцы в нём — что ну, да на, и в Питере послушать захочется». Малая известность нестихотворного наследия Ершова вызвана ещё и тем, что до недавнего времени оно издавалось только сибирскими издательствами (Омск, Новосибирск и т. п.). В честь Петра Ершова в Тобольске названа улица, а также установлен памятник. В 1960 г. село Безруково Ишимского района Тюменской области переименовано в с. Ершово. Также именем П.П. Ершова названа улица в г. Ишим Тюменской области, его имя носит Ишимский государственный педагогический институт. В Ишиме действует Культурный центр П.П. Ершова с единственной в стране экспозицией, хронологически рассказывающей о жизни и творчестве поэта и педагога. В Нефтеюганске на пл. Юбилейной установлен бюст П.П. Ершову. В Ишиме 13 июня 2015 года в ознаменование 200-летия со дня рождения сибирского сказочника открыт второй в Тюменской области памятник Ершову (скульптор С.Г. Полегаев, меценат С.П. Козубенко).

Я сердцем жил. Я жизнь любил...

Алексею Егоровичу Викторову

Любитель древности и русской старины,
Друг юношей, любимейший учитель!
Почто, скажи, почто, хоть ради новизны,
Почто скажи, родителей мучитель,
Не хочешь ты стяжать бессмертия венец?
То был бы дар тебе родительских сердец,
Коль речью бы одной ум юношей питал
И книги покупать их реже посылал.
И сколь была б тогда твоя завидна слава,
Что ты без Нестора и русского Стоглава
Орленков на гнезде полет приготовляешь
И куплей груды книг меня не разоряешь.
Возри ты оком милосердным
На шкаф, хранилище наук.
В нем тесно книгам уж вмещенным,

В нем места не найдет паук.
А всё мне книги шлет Салаев,
Книгопродавец Глазунов,
Вчера же втиснут был Буслаев,
Сегодня прется Милюков.
А сердце так и замирает,
Когда в пучине старины
Я зрю, как мой птенец ныряет
И тонет в бездне новизны.
О, как страшусь, что захлебнется,
Где испытания скала,
Иль о скалу он разобьется,
Как разбивается волна.
Но ты, изведавший пучины,
О кормчий опытный! не скрой —
Страшиться есть ли мне причины
Скалы иль камней под водой.

15 декабря 1860

В альбом С.П. Жилиной

Как часто с родственным участием
Об вас задумчиво я небо вопрошал,
Вас оделял возможным в мире счастьем
И счастье тихое в глазах у вас читал.
Да, вас судьба благословила,
Вам душу мирную дала,
Во взоре ясность засветила
И в сердце радость низвела.
Вам суждено без непогоды
Земное море пережить,
Цветами дней отметить годы
И, быв любимой, жизнь любить.
О, тот счастлив, кто вас узнает,
Кто вас полюбит от души:
Он полным сердцем испытает
Весь рай семейственной души.

1840

Воспоминание

Я счастлив был. Любовь вплела
В венок мой нити золотые,
И жизнь с поэзией слила
Свои движения живые.
Я сердцем жил. Я жизнь любил,

Мой путь усыпан был цветами,
И я веселыми устами
Мою судьбу благословил.

Но вдруг вокруг меня завывла
Напастей буря, и с чела
Венок прекрасный сорвала
И цвет за цветом разронила.
Все, что любил, я схоронил
Во мраке двух родных могил.
Живой мертвец между живыми,
Я отдыхал лишь на гробах.
Красноречив мне был их прах,
И я сроднился сердцем с ними.

Дни одиночества текли,
Как дни невольника. Печали,
Как глыбы гробовой земли,
На грудь болезненно упали.
Мне тяжело было. Тщетно я
В пустыне знойного страданья
Искал струи воспоминанья:
Горька была мне та струя!
Она души не услаждала,
А жгла, томила и терзала.
Хотя бы слез ниспал поток
На грудь, иссохшую в печали;
Но тщетно слез глаза искали,
И даже плакать я не мог!

Но были дни: в душе стихало
Страданье скорби. Утро дня
В душевной ночи рассветало,
И жизнь сияла для меня.
Мечтой любви, мечтой всеильной
Я ниспускался в мрак могильный,
Труп милый обвивал руками,
Сливал уста с ее устами
И воплем к жизни вызывал.
И жизнь на зов мечты являлась,
В забвенье страсти мне казалось —
Дышала грудь, цвели уста
И в чудном блеске открывалась
Очей небесных красота...
Я плакал сладкими слезами,
Я снова жил и жизнь любил,
И, убаюканный мечтами,
Хотя обманом счастлив был.

Нос

Поэты! Род высокомерный!
Певцы обманчивых красот!
Доколе дичью разномерной
Слепить вы будете народ?
Когда проникнет в вас сознание,
Что ваших лживых струн бряцанье —
Потеха детская? Что вы,
Оставив путь прямой дороги,
Идете, положась на ноги,
Без руководства головы?

О, где, какие взять мне струны,
Какою силой натянуть,
Чтоб бросить мщения перуны
В их святотатственную грудь?
Каким молниеносным взором
Вонзиться в душу их укором,
Заставить их вострепетать?
Изречь весь стыд их вероломства
И на правдивый суд потомства
Под бич насмешек их отдать?

В неизъяснимом ослепленье
Ума и сердца, искони
Священный ладан песнопенья
Курили призракам они.
Мечту (о жалкие невежды!)
Рядили в пышные одежды,
А истый образ красоты,
Вполне достойный хвал всемирных,
Не отзывался в звуках лирных
Певцов заблудших суеты!

Все, все: и перси наливные,
Ресницы, брови, волоса,
Уста, ланиты, стопы, выи,
Десницы, шуйцы, очеса, —
Весь прозаический остаток,
Короче, с головы до пяток
Все, все воспел поэтов клир,
Всему принес он звуков дани,
Облек во блеск очарований
И лиру выставил на пир.

А нос — великий член творенья,
А нос — краса лица всего
Оставлен ими в тьме забвенья,
Как будто б не было его.
В причины ум свой углубляю,
Смотрю, ищу — не обретаю.
Но, как новейший философ,
Решу оружием догадки:
«Или носы их были гадки,
Иль вовсе не было носов!»

О нос! О член высокородный!
Лица почетный гражданин!
Физиономии народной
Трибун, глашатай, верный сын!
По непонятной воле рока
Ты долго, долго и глубоко
Дремал в пыли, забвен и сир.
Но днесь судьбой того ж устава
Ты должен пыль счихнуть со славой
И удивить величьем мир.

Нет! нет! Не знал тот вдохновенья,
Кто взялся б словом изъяснить
Весь пыл, всю бурю восхищенья
При мысли — новый мир открыть,
Воспеть не то, что было пето,
Предмет неведомый для света
Во всем сиянье показать,
Раскрыть огромный мир богатства
И в сонм рифмованного братства
Коломбом новым гордо стать.

Теперь я созерцаю ясно —
Зачем мне жизнь судьба дала,
Зачем гармонии прекрасной
В груди мне струны напрягла,
Зачем природы мудрой сила
Такой мне нос соорудила
И невидимая рука
В часы приятного мечтанья
Производила щекотанье
В носу то крепко, то слегка.

Итак, вперед! На честь, на лавры!
Пускай могучий, звонкий стих
Отгрянет вдруг, как дробь в литавры,
Во слух читателей моих!
Пусть ливнем льется вдохновенье

Во славу нового творенья,
На удивление племен!
Да пронесется туча звуков
Над головами внуков внуков
Через бесконечный ряд времен!